Казахстанская правда
г. Алма-Ата
21 ОКТ 1982

И В ОБРАЗЕ, И В ЖИЗНИ

К 70-летию со дня рождения народного артиста СССР Е. Я. Диордиева

ОН СИДИТ передо мною — крупный, широкоплечий, с гордо посаженной головой— и говорит негромко, раздумчиво, словно рассуждая сам с собою:

— Да... Прошлое... Оно, что там отрицать, большое. Но я ведь не только прошлым живу. Я на стыке. Думаю о будущем, о продлении творческой жизни. Творчество — вот моя надежда, вот пружина моего оптимизма.

Нет, Евгений Яковлевич Диордиев нисколько не похож на старика. Он может по-молодому радоваться и огорчаться. Радоваться успеху товарища в той роли на премьере публицистической пьесы «Правда памяти», исполнителем которой значится в программе и он сам; радоваться новой интересной пьесе, счастливо найденной на репетиции мизансцене; радоваться утренней зарядке с неизменными гантелями, доброму осеннему дню...

Бывают поводы и для огорчения: порою это и неурядицы в театре, и оброненное кем-нибудь несправедливое слово, и... плохая игра «Кайрата» — любимой футбольной команды...

Я давно знаю Евгения Яковлевича, значительно раньше, чем он стал актером нашего театра драмы имени Лермонтова, а он служит в нем как-никак треть века. Не устаю удивляться его энергии, умению сопереживать, его пытливости и неиссякаемой вере в будущее.

Наш театр — это давний, обжитый дом Диордиева, его судьба, его взлет. Но начало его творческой биографии уходит в Одессу. Трудно теперь воспроизвести тот день, когда озорной мальчуган с Раскидайловки вдруг почувствовал неодолимое влечение к сцене. Быть может, сказалось тут влияние деда, огородника и острослова из знаменитого своими шутниками и веселыми рассказчиками болгарского города Габрова. Быть может, это был и пример отца. Скромный почтово-телеграфный механик Яков Диордиев обладал могучим голосом и тонким музыкальным слухом. Он не только пел в церковном хоре, но однажды сопровождал в качестве певца самого Шаляпина в гастрольной поездке по югу России. Вот и Женя пел, учился играть на скрипке... А тут — двадцатые годы, трудные и песенные, годы крутых реформ и драмкружков едва ли не в каждой школе. Так, школьник Евгений Диордиев сыграл свою первую роль — роль Подколесина в гоголевской «Женитьбе». С той поры Гоголь навсегда остался любимым писателем.

А теперь вернемся в Алма-Ату лет на пятнадцать назад.

Младший сын Евгения Яковлевича влетел в дом с радостным криком:

— Папа, я нашего Витьку сейчас в кино на экране видел. «Броненосца «Потемкина» смотрел.

Папа добродушно ухмыльнулся:

— Видел, как его сбрасывают с борта в море?

— Ну да... Мичмана он играет.

— Да это же я, а не Витя.

Это был 1925 год. Будущему народному артисту СССР не исполнилось и четырнадцати лет, а он уже участвовал в массовках на съемках эпохального фильма Сергея Эйзенштейна. Кстати, съемки могли закончиться для Диордиева не совсем благополучно. Он горел желанием, чтобы его «по-настоящему» сбросили в море — не утонет, мол, все одесситы отличные пловцы. Но подростка пожалели — высота была значительной. Эпизод решили снимать в два приема: приподымали его, чтобы вышвырнуть за борт, но в воду летело чучело.

Можно посмеяться, вспоминая этот случай. А можно от него вести отсчет профессиональной актерской работы Диордиева. Стаж без малого шесть десятилетий. Он и дальше снимался в немом кино, и в одном из первых звуковых фильмов «Снайпер», позднее участвовал в создании многих лент «Казахфильма». Но театр всегда преобладал в его творчестве.

Актером театра его застала и война. Он копал окопы у Куяльницкого лимана. Гитлеровцы бомбили перемычку. Взрыв фугаски контузил Евгения Яковлевича. Госпиталь, эвакуация в тыл, неожиданная для самого себя встреча с Казахстаном, оказавшаяся судьбой.

Рудный Алтай, Усть-Каменогорск и Лениногорск приобщили его к жизни республики в трудную пору напряжения всех сил. Он работал истово, с полной выкладкой, как говорится. Это был и бесстрашный серб Олеко Дундич, герой гражданской войны, оживший на сцене; это был и сам Евгений Диордиев, ударник субботников, и — пусть в малой мере — строитель гидростанции на Иртыше. Казахстан открывал ему свои богатства, а он именно в Казахстане почувствовал творческую и гражданскую зрелость. Он учился у жизни, как в молодости учился в музыкально-драматическом институте имени Бетховена, учился пониманию людей у начальника «Иртышстроя» Михаила Васильевича Инюшина, как в свое время в клубе Одесской милиции брал уроки мастерства у вдохновенного артиста, воспитанника Художественного театра Алексея Петровича Харламова.

Но самый важный, самый длительный этап в творческой жизни артиста, продолжающийся и сейчас,—это работа в театре драмы имени Лермонтова в Алма-Ате.

Задаю Евгению Яковлевичу обычный вопрос: сколько ролей вы сыграли?

Он пожал плечами:

— Что-то около трехсот.

Пожал плечами, вероятно, потому, что для характеристики актера это мало что дает.

Мы рассмеялись и припомнили, что Качалов в молодости лишь за два с половиной года работы в Казанско-Саратовском товариществе актеров переиграл свыше двухсот пятидесяти ролей. А разве в этом Качалов? Да и времена переменились. Спектакли сейчас готовятся тщательно, не мелкая калейдоскопом в афише.

Случались роли проходные, забывающиеся, но их Евгений Яковлевич стремился избегать.

В памяти артиста и зрителя сохранились образы крупного плана, созданные жаром сердца, терпеливого поиска и внезапных находок.

Классика... Она влекла Диордиева своим размахом, постижением человеческих глубин. И встает перед взором Егор Булычев, созданный артистом. Это натура яркая и противоречивая. Одинокий в семье и в своей социальной среде, которой суждено уйти с исторической сцены.

Большой удачей артиста, всего театра был образ Платонова. Необходима смелость экспериментаторов, чтобы поставить раннюю пьесу, которой Чехов не успел даже дать названия. Перечитываешь ее и видишь некоторое ее несовершенство — растянутость, громоздкость, перегруженность злодействами и объяснениями в любви. Пришлось актерам и постановщикам тонко и тщательно поработать, чтобы приблизить к зрителю нравственные проблемы, где уже чувствуется зрелый Чехов. Диордиев разгадал в спившемся сельском учителе будущих героев знаменитых произведений, перенес акцент на едва намеченную гражданственную сторону роли. И его трактовку с пониманием приняли зрители.

Спектакль «Поднятая целина». В нем Евгений Яковлевич играет скромную роль хуторского кузнеца Шалого. И вот это уж свойство таланта — эпизодический, да и малоразговорчивый Шалый показан был так искренне, что в нем как бы сосредоточилась мудрость полурабочего, полукрестьянина, верного союзника партии в борьбе за коллективизацию. Кузнец был такой всамделишный, настоящий, что я чувствовал запах окалины, идущий с подмостков в зрительный зал.

Недаром говорил мне Диордиев:

— После Гоголя любимый мой писатель — Шолохов.

И античная классика, вспомните Эдипа Софокла, близка дарованию Евгения Яковлевича, и Шекспир. Закрою глаза и вижу, как горестный Лир держит на руках мертвую Корделию. И забываешь, что это сцена. И слов тут немного, но какие они наполненные!

Трудно перечислить все удачи, лучшие роли артиста. Поэтому мне представляется уместным подробнее остановиться на дружбе Евгения Яковлевича с писателями Казахстана.

Долгое время в кабинете Николая Ивановича Анова висело фото — Диордиев в роли Перовского в пьесе «Надежда горит впереди». Евгений Яковлевич часто бывал в гостях у писателя, особенно когда готовилась к постановке эта пьеса. Они подолгу говорили о своем герое, умном и властном, либеральном и жестоком генерале.

Перовский появился на сцене во всей своей выразительности и сложности. Артист проник в суть образа, нашел мужество не увлечься только симпатичными чертами приятеля Пушкина, а показал его таким, как он был, защитником интересов Российской империи.

Самые добрые отношения связывали Евгения Яковлевича и с Иваном Петровичем Шуховым. И вот недавно по мотивам романа И. Шухова Е. Диордиев и А. Чебак создали инсценировку «Конец горькой линии». Евгений Яковлевич поставил спектакль и исполнил одну из ролей. И на этот раз роль была не главной. Но старик, почти отшельник Богдан, прижившийся в степном ауле и, как это часто бывало у казаков, владеющий свободно казахским языком, стал ненавязчивым символом дружбы двух народов.

Общительный и активный, Диордиев не чужд пристрастия к перу. И к инсценировке обратился не в первый раз. Он написал хорошие, изобилующие живыми подробностями воспоминания о Шакене Айманове, с которым связывала его многолетняя дружба, выступает с интересными статьями в газетах... И он нисколько не угомонился в свои семьдесят. Он пришел к этому, по его же выражению, — стыку прошлого с будущим — с новыми ролями и с новыми замыслами.

— А вы видели «Беспокойную старость»? — спрашивает он у меня. И продолжает: — Так вот, я стараюсь избежать в этой роли показа старости Полежаева. Ведь он молод по духу, в преклонном возрасте встретив и приняв революцию.

Еще одна новая работа Диордиева—«Ретро» Александра Галина. Очень тепло приняли первую постановку спектакля во время гастролей в Семипалатинске нынешним летом. А теперь состоялась его премьера и в Алма-Ате. И Диордиева в роли кровельщика Николая Чмутина так же душевно встретили зрители нашего города.

Работа продолжается. Продолжается ежедневное горение.

— А замыслы?

Евгений Яковлевич делает добродушно-загадочное лицо.

— О, замыслов много. О некоторых, пожалуй, промолчу. Но «Лес» Островского уже планируется. Очень хочется в нем сыграть.

Иной простодушный зритель недоуменно вопрошает:

— И как это хороший человек может играть отрицательных героев?

Значит, может. В силу той же любви к людям. К слову сказать, в актерском арсенале Евгения Яковлевича не так-то много злодеев, интриганов, преобладают роли героические и трагические.

Но все равно: настоящий артист многолик, палитра его не может быть однообразной.

А человек един и в своей сложности.

И, думая об Евгении Яковлевиче как о человеке, я почему-то вспоминаю зимний вечер, троллейбусную остановку неподалеку от театра и его, озабоченного и особенно доброго, с небольшой пушистой елкой в руках.

— Что? Деда-Мороза играете? — спросил я его шутливо.

— Нет, я и есть настоящий дед, — ответил Диордиев.

Алексей БРАГИН.

г. АЛМА-АТА.

НА СНИМКЕ: Е. ДИОРДИЕВ в роли Уэллера Мартина в спектакле «Игра в джин».